

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Координаты человека

К итогам изучения "человека советского"

Анализ принципиальных результатов многолетней исследовательской программы "Советский человек"* имеет как методологическое (эффективность инструментария), так и актуальное социально-аналитическое значение. Социально-политические перемены последних лет, в частности перипетии и разломы 1999-2000 гг., вынуждают исследователей задумываться о том, насколько адекватным являлся тот анализ особенностей установок, оценок и поведения людей, которым мы занимались в рамках этой программы. Несомненно, что "человек советский" как социальный тип оказался значительно более устойчивым, способным приспособиться к изменению обстоятельств, чем это представлялось десять лет назад. Конечно, этому в немалой мере способствовали и доминирующие в наших процессах варианты самого изменения "обстоятельств" — непоследовательные и противоречивые акции при значительном ухудшении положения большинства населения.

Одни наши предположения вполне подтвердились, другие — нуждаются в переосмыслении. В некоторых случаях мы оказались неготовыми заметить или правильно оценить характер происходящих изменений или причины отсутствия таковых. В первоначальном проекте исследования (1989 г.), естественно, не могли быть заложены проблемы, возникшие в ходе позднейшего развития политического кризиса в стране, связанные с распадом Союза ССР, зарождением политического плюрализма, трансформациями структур социальной поддержки и мобилизации, характером лидерства и т.д. Такие проблемы рассматривались на последующих фазах реализации исследовательской программы.

В настоящей статье рассматривается лишь часть проблем проведенного исследования, требующих разностороннего анализа.

Три оси "человеческих координат". Многообразие накопленного материала, относящегося к различным сферам деятельности социального человека, позволяет выделить основные направления "привязки" человека к социальному полю: *идентификация* ("кто мы такие?"), *ориентация* ("куда мы идем?"), *адаптация* ("к чему мы можем приспособиться?"). Все другие проблемы, и методологические, и содержательные, так или иначе группируются вокруг такого определения координат человеческого существования.

"Идентификационный" комплекс. Идентификация рассматривается в социальных исследованиях через ряд признаков, обозначающих определенный тип связи человека с социальной группой (семья, "мы-группа") или ор-

* В рамках исследовательской программы "Советский человек" за десять с лишним лет проведены три волны специальных опросов (1989, 1994 и 1999 гг.), несколько крупных тематических исследований ("Бюрократия", "Культура", "Национализм", "Власть и общество" и др.). Некоторые проблемы выяснялись в технологии регулярных omnibus-опросов типа "Мониторинг" и "Экспресс". Данные исследований и аналитические материалы многократно публиковались в настоящем журнале и других изданиях: Советский простой человек. М., 1993; Куда идет Россия?.. Вып. 1-7. М., 1994-2000; Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000.

ганизацией (предприятие), которые могут быть подкреплены символическими, эмоциональными, мифологическими структурами, могут обладать не только актуальным, но также историческим измерением. Данное государство, скажем, воспринимается как актуальная организация, социальный механизм, но такие понятия, как "страна", "отечество", "родной город" и пр. имеют символические, эмоциональные, исторические компоненты. Фирма может восприниматься только как актуальное предприятие, организация, связь человека с которой определяется исполнением правил и достижением предписанных целей, но может также выступать объектом эмоционально окрашенных, символических связей ("честь фирмы", "традиция фирмы" и т.п.). Социальная идентификация — сложный, комплексный феномен, включающий разнородные компоненты.

Наиболее общим признаком идентификации человека с определенным социальным объектом можно, видимо, считать эмоциональное или символическое его *"присвоение"*, т.е. отношение к нему как к "своему" в отличие от множества иных, "чужих", "посторонних" объектов: "своя" семья, "своя" группа, "свое" государство, "свои" священные символы и т.д. Моделью, а возможно, и исходной точкой такого отношения служит традиционная, замкнутая семья.

Всякая идентификация как бы "добавляет" к универсальным в принципе, общезначимым критериям истинности, рациональности, полезности, нравственности, эстетичности и пр. иное по своей природе, партикуляристское измерение "свойскости". Реально-историческая последовательность "добавлений", конечно, была обратной: универсальные нормы "добавлены" к партикулярным, но никак не заменяют их. Человек нигде и никогда в мире не может держаться каких бы то ни было универсалий, не накладывая на них эмоциональных, личностных, традиционных и прочих рамок идентификации, отождествления с неким "своим" в отличие от "не-своего". А это, в свою очередь, создает неустрашимые нормативные коллизии, с которыми можно лишь считаться (так, в современном уголовном праве, в том числе и в российском УК, родственники обвиняемого освобождаются от обязанности свидетельствовать против него: универсальный закон как бы обходит стороной традицию "своих" отношений).

Вопрос в том, как соотносятся партикуляристские и универсалистские координаты человека в различных общественных системах. Если в традиционных обществах и их современных аналогах доминируют первые (хорошо и правильно то, что полезно "своим"*), то в обществах, которые признаны как цивилизованные, доминируют "универсалии", а отношения "по-свойскости" кажутся отгесненными на обочину. Но это слишком упрощенная картина. Идентификация с "своим" государством, "своей" группой (в том числе этнической), "своей" фирмой сохраняется — в разных формах и пропорциях — повсеместно и играет достаточно важную роль в процессах социализации и социального контроля, особенно в условиях социальной мобилизации. Одно из важнейших условий сохранения такого сочетания — участие *критического* компонента в самом комплексе идентификации. Его смысл достаточно точно выражен известной английской поговоркой: "Права

* Так, по данным второй волны исследования по программе "Советский человек" (1994 г.), 58% (против 30%, т.е. в соотношении 2 к 1) соглашались с тем, что "в России люди привыкли относиться друг к другу по-свойски, не думая о выгоде". В таком утверждении, впрочем, кроется солидная доля лукавства.

она или не права, но это *моя* страна". Тем самым допускается, что "свое" может быть неправым, скверным, заслуживающим осуждения. Самый искренний патриотизм мог быть и резко критическим по отношению к порядкам, властям, традициям собственного отечества, что и демонстрировали, между прочим, все российские мыслители — от Чаадаева до славянофилов и революционеров далекого XIX в.

Этой сложности не знал примитивный традиционализм и не допускали неотрадиционалистские системы советского типа. "Свое" непременно означало "самое лучшее", "наше" считалось заведомо выше всего "чужого" (в ироническом варианте — "наши больные — самые здоровые в мире"); даже осторожное сомнение в этом становилось криминалом. И именно поэтому критические удары "гласности" оказались для советского общества столь болезненными и разрушительными. (Примечательно, что новейшие попытки консолидировать общество строятся по старой модели "докритического" патриотизма, под лозунгами возврата к достойному прошлому и т.п.)

Функции социальной идентификации можно рассматривать с двух сторон: идентифицируясь с какой-то социальной общностью или организацией, человек символически и эмоционально "осваивает" ее, в то же время эта общность (например государственная) "присваивает" человека притом далеко не символически. Человек ищет защиты и заботы хотя бы и символической (в свою очередь, демонстрируя готовность отстаивать "свою" общность).

Проблема "негативной идентификации". Категория "негативная идентификация", обстоятельно рассмотренная Л.Гудковым* на актуальном материале последних лет, у некоторых специалистов (В.Ядов) вызывает сомнения. Между тем накопленный материал, как представляется, дает все основания для выяснения возможности и функций этого феномена.

Компонент социального самоопределения через противопоставление, отторжение некоего "иного", "чужого", "не-своего", видимо, присущ любому идентификационно-акту наряду с более или менее эксплицитным утверждением позитивных индикаторов "своего". Но в определенных ситуациях (конфликта, фобии) приоритетное или даже исключительное значение приобретают именно эти компоненты. В конфликтах разных уровней (от бытового, межгруппового до межгосударственных) происходит консолидация и, соответственно, самоожесточение противостоящих сил на "негативной" основе противостояния, противоборства. Если при этом и выдвигаются "позитивные" общие символы, лозунги, то они чаще всего имеют вторичное значение, поскольку в одном стане оказываются разнородные силы или группы, объединяемые лишь "общей" ненавистью к противнику или "общим" страхом перед ним. Так строились (и потому, кстати, были неустойчивыми) межгосударственные военные коалиции с древних времен до мировых войн.

Принципиальной особенностью советского общества было демонстративное противостояние "враждебному окружению", а точнее, всему остальному миру. Притом, как известно, на всех фронтах — от государственной политики до культуры, науки, человеческих контактов и пр. С молодых ног человек формировался на основе воинственного и примитивного противопоставления "советского" мира всему остальному. Весьма разветвленная сеть идеологических обоснований лишь оправдывала такую ситуацию, стимулируя постоянную демонстративную (дале-

ко не всегда эффективную, что показал опыт последней мировой войны) мобилизацию против реальных, потенциальных или воображаемых врагов. Эту традицию в значительной мере наследует российское постсоветское общество, не сформировавшее собственных механизмов национально-государственной идентификации. Сравнение общественных настроений в условиях двух чеченских военных кампаний позволяет видеть, насколько характерная для второй из них негативная, подкрепляемая общим страхом мобилизация (против предполагаемых террористов, бандитов и т.д.) эффективнее, чем "позитивная" мобилизация первой кампании (за сохранение конституционного порядка и целостности государства).

Кризис социальной идентификации: параметры и механизмы. По всей видимости, именно этот кризис составил главное содержание всех перемен последних лет, рассматриваемых на "человеческом" уровне. Объясняется это тем, что в традиционно советском обществе идентификация являлась, по сути дела, не только основным, но единственным средством выражения связи человека с общественной системой, а признанная принадлежность к определенной социальной позиции однозначно определяла характер поведения. В этом смысле общественная система могла характеризоваться как "одномерная", а присущие ей способы социальной идентификации человека как *обязательные*.

С распадом советской системы человек оказался вынужден в какой-то мере самостоятельно ориентироваться в изменившихся обстоятельствах, определять свое положение, выбирать способ поведения, отношения к происходящему и т.д. Иначе говоря, вынужден искать "свою" или "близкую" позицию, группу, символическую структуру. Тем самым социальная идентификация становится проблемой *выбора* — вынужденного, часто болезненного, при ограниченных представлениях о содержании выбора и его последствиях. Имеющийся материал позволяет рассмотреть некоторые направления и уровни такой *избирательной* идентификации человека.

Как и следовало ожидать, никакого "естественного" человека, способного свободно и разумно делать социальный выбор, в нашей действительности не обнаружилось, как не обнаружился он и два-три столетия назад в Англии, Франции и т.д. Освобожденный (впрочем, скорее декларативно) от старых политических и идеологических обличий человек остался связан традициями и стереотипами советского и досоветского происхождения. Дискредитация официально-советской идентичности привела не столько к формированию демократических, общечеловеческих координат самоидентификации, сколько к росту значения традиционно групповых, локальных, этнических рамок.

Одним из результатов распада советской государственности явился кризис государственной идентичности на различных ее уровнях (от "советских" граждан к "российским"). За этими как будто вполне понятными сдвигами в самоопределении людей стоят неоднозначные процессы: изменения официально-государственного порядка (впрочем, при старых паспортах), отношение к этим переменам (инерция "старых" координат, привычка к новым, осознанная или неосознанная ностальгия). Выделить различные типы идентификации, например, обязательные или избирательные, в такой связке не так просто. "Советская" самоидентификация может быть инерционной (привычная обязательность) или ностальгической (избирательная позиция); последняя, в свою очередь, может обозначать сожаление то ли об ушедшей общественно-политической системе, то ли о едином государстве, то ли о возможностях человеческих контактов и т.д. В любом варианте имеет

* Гудков Л. К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 5. С. 35-44.

свое значение чисто вербальная (на деле — социально-психологическая) составляющая — какие термины используются людьми для самоопределения.

В исследовании "Советский человек" выяснялось, с чем респонденты в первую очередь связывают мысль о своем народе. Часть полученных ответов приведена в табл. 1.

Таблица 1

Ассоциации респондентов, связанные с мыслью о своем народе
(в % от числа опрошенных, сумма ответов больше 100%, поскольку ответы не являются альтернативными)

Вид ассоциации	1989 г.	1994 г.	1999 г.
Наше прошлое, наша история	26	37	48
Наша земля, территория	12	25	26
Государство, в котором я живу	27	18	19
Наши песни, праздники и обычаи	14	17	19
Душевные качества моего народа	14	16	19

Примечательно, что почти все перемены произошли в первой половине десятилетия. Внимание к "традиционным" признакам растет, государственная идентичность упоминается значительно реже. Вопрос в том, как понимать эти перемены: правомерно ли считать их признаками *реального* возврата к традиционалистской, аскриптивной идентификации или признаками символической ностальгии? Сколь ни многоярусна нынешняя социальная реальность, место для, собственно, традиционного самоопределения возможно лишь в квазиромантическом воображении. Скорее всего, приведенное распределение мнений — прежде всего показатель возросшего критического отношения к современному государству (причины лежат на поверхности и не требуют объяснения). И никак не реальный возврат к "почвенной" идентификации, которая, кстати, и придумана была в рамках российской интеллектуальной контрреформации XIX в.

В табл. 2 приводятся данные тех же опросов 1989 г. и 1999 г., в которых респонденты отмечали наиболее распространенные общности, принадлежность к которым осознается людьми "с гордостью".

Таблица 2

"Гордость" людей за принадлежность к той или иной общности
(в % от числа опрошенных, сумма ответов больше 100%, поскольку ответы не являются альтернативными)

Вид общности	1989 г.	1999 г.
Отец (мать) своих детей	43	57
Сын (дочь) своих родителей	19	24
Житель своего города, села, района	11	21
Сын своего народа	8	10
Специалист в своем деле	24	23
Советский человек	29	13
Русский человек	*	43
Верующий	4	7

* Вопрос не задавался.

Осью "горделивой" идентификации является преимущественно "родительская" линия, притом, ориентированная на детей, т.е. на будущие поколения. При этом значение национально-государственной принадлежности как будто даже возрастает: "русский человек" в 1999 г. упоминается чаще, чем "советский человек" в 1989 г. Но в последнем варианте, по всей видимости, сочетаются признаки "государственно-русского" и "национально-русского"

(в признаках "советского человека" образца 1989 г. сочетались официально-государственные и социально-политические черты). Возросшая (прежде всего, конечно, демонстративная) роль локальных связей — одно из выражений критического отношения к нынешней государственности. Но никак не признак "разрыва" с ней.

Как известно по данным множества исследований, государственная власть и ее носители (за контрастным исключением отдельных фаворитов, время от времени формируемых в общественном мнении) оцениваются населением весьма низко. В начале 1998 г. 57%, а в декабре 2000 г. 54% считали, что большинство стоящих у власти озабочены лишь своими привилегиями и доходами. Распространено мнение, что проявлений коррупции в государственном секторе больше, чем в частном.

И тем не менее все большая доля опрошенных утверждает, что человек должен рассчитывать только на свои силы (в январе 2001 г. 64% утверждали, что они живут, "полагаясь только на себя и не рассчитывая на власти"). В этом парадоксе не столько отражение реального положения вещей, сколько установка, понемногу крепнущая (в силу невозможности опереться на казенную опеку) и потому значимая. "Разгосударствление" человека оказывается сложным и долгим процессом преодоления традиционной его государственной принадлежности (не лишенной, прочем, определенного лукавства и дополнений в виде подсобных хозяйств и теневых приработков...). Причем доминирует в этом процессе отнюдь не тенденция становления свободного и ответственного гражданина.

Во всех вариантах идентификационных вопросов исследований респонденты обычно склонны, скорее всего, отмечать позитивно оцениваемые связи и значительно реже — негативные. Первый опрос по программе "Советский человек" (1989 г.) проходил в исключительный период наиболее активной общественной самокритики и попыток переоценки прошлого (непоследовательных и малоудачных), стимулировавшихся ведущими СМИ и политическим руководством страны (М.Горбачевым). Тогда мы обнаруживали более всего негативных оценок собственной страны, ее места в мире, ее народа, истории — и это все тоже было довольно распространенным элементом социальной идентификации человека в определенный момент исторического перелома ("экстраординарная" критическая идентификация). При некоем оптимистическом варианте развития событий, приводящего к утверждению новой системы признанных обществом ориентиров, общественная самокритика могла сыграть очистительную, созидательную роль. Этого не произошло, катарсис не состоялся. Негативные, даже уничтожительные самооценки человека как "совка", лентяя, пьяницы и пр., обнаруживаемые и в массовых опросах, остаются непременным компонентом его социальной самоидентификации и фактически служат средством оправдания пассивности, безволия, холопства во всех их проявлениях в полном соответствии с печальной исторической традицией ("ординарной" псевдокритической идентификации).

Анализ проблемы идентификации в общественном мнении приводит к необходимости различать два уровня рассматриваемых показателей: декларативный (кем люди хотят себя называть) и реальный (кем люди себя ощущают). Соответствующие показатели могут почти совпадать или значительно отличаться друг от друга. Такая ситуация обнаруживается, разумеется, и в ответах по другим темам, например, относительно порядка и демократии, диктатуры, пути развития страны и т.д.

Идентификация и ответственность. Рассмотрим изменения одного из показателей социальной идентификации — представлений об обязанностях людей перед своим государством за 1989-1999 гг. (табл. 3 и 4).

Отношение к государству (по возрастным группам)
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов: 1. Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то; 2. Государство нам дает немало, но можно требовать и большего; 3. Государство нам дает так мало, что мы ему ничем не обязаны; 4. Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, идя на какие-то жертвы; 5. Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам.

Возрастная группа	Дало все	Можно требовать и больше	Ничем не обязаны	Должны помочь	Должны стать свободными людьми
		1989г			
До 20 лет	4	13	9	33	30
20-29 лет	3	6	5	36	35
30-39 лет	3	15	8	39	25
40-49 лет	3	9	6	38	25
50-59 лет	11	11	6	40	19
60-69* лет	7	12	5	47	17
Всего	5	11	6	40	25
		1999г			
До 20 лет	1	11	38	11	38
20-29 лет	2	7	31	21	38
30-39 лет	1	4	42	13	39
40-49 лет	2	6	39	15	37
50-59 лет	0	4	34	20	41
60-69* лет	0	7	40	17	32
70 лет и старше	1	9	42	15	27
Всего	1	6	38	17	37

* В опросе 1989 г. — 60 лет и старше.

Источник: Исследование по программе "Советский человек" (1989 г., N-1250 человек; 1999 г., N-2000 человек).

Отношение к государству (по возрастным когортам)

Когорта	Дало все	Можно требовать и больше	Ничем не обязаны	Должны помочь	Должны стать свободными людьми
		1989г			
20-29 лет (70-е годы)*	3	6	5	36	35
30-39 лет (60-е годы)*	3	15	8	39	35
40-49 лет (50-е годы)*	3	9	6	38	25
50-59 лет (40-е годы)	11	11	6	40	19
60-69 лет (30-е годы)	7	12	5	47	17
		1999г			
20-29 лет (70-е годы)*	1	4	42	13	39
30-39 лет (60-е годы)	2	6	39	15	37
40-49 лет (50-е годы)	0	4	34	20	41
50-59 лет (40-е годы)	0	7	40	17	32
60-69 лет (30-е годы)	1	9	42	15	27

* В скобках приводится десятилетие, в котором родился респондент.

См. источник к табл. 3.

В позициях всех возрастных групп происходят заметные изменения, и только в одном направлении — ослабления ответственности перед государством. В то же время почти во всех выделенных группах уменьшается и надежда на то, что от государства можно "требовать больше". Еще более наглядно выступает эта тенденция, если те же данные представить как изменения в установках одних и тех же возрастных групп (например, лиц, которым в 1989 г. было 20-29 лет, а в 1999 г. — 30-39 лет, и т.д.).

Вместе с тем к этой проблеме можно подойти и через другой ряд показателей (табл. 5 и 6).

Рассмотрим эти данные под углом зрения возрастных когорт.

Наиболее значительное снижение показателей "ответственности за страну" на протяжении десяти лет, как ни странно, наблюдается в тех возрастных когортах, кому в 1989 г. было 50-59 и 60-69 лет. Получается, что старшие группы за это время по оценкам своей идентификации со страной, государством не только приблизились к молодым, но и обогнали их. Видимо, это связано с падением уровня жизни и крушением модели патерналистского государства, которые наиболее болезненны для старших поколений.

Элита и "массы" в поисках ориентации. Как уже отмечалось, это новая проблема, как бы неожиданно свалившаяся на голову людей. При этом проблема принципиаль-

Несет ли человек моральную ответственность за происходящие в стране события?
(По возрастным группам.)

Возрастная группа	Безусловно, несет	В какой-то мере несет	Совсем не несет	Затруднились ответить
		<i>1989 г.</i>		
До 20 лет	18	41	17	23
20-29 лет	14	48	21	16
30-39 лет	21	44	17	16
40-49 лет	20	31	22	27
50-59 лет	22	44	8	24
60-69* лет	29	38	14	18
Всего	21	41	16	20
		<i>1999 г.</i>		
До 20 лет	7	33	31	29
20-29 лет	8	39	33	20
30-39 лет	7	45	24	24
40-49 лет	14	37	27	21
50-59 лет	14	42	20	24
60-69* лет	9	38	27	25
70 лет и старше	3	43	30	24
Всего	10	40	27	23

* В опросе 1989 г. — 60 лет и старше.

См. источник к табл. 3.

Несет ли человек моральную ответственность за происходящие в стране события?
(По возрастным когортам.)

Когорта	Безусловно	В какой-то мере несет	Совсем не несет	Затруднились ответить
		<i>1989 г.</i>		
20-29 лет (70-е годы)*	14	48	21	16
30-39 лет (60-е годы)	21	44	17	16
40-49 лет (50-е годы)	20	31	22	27
50-59 лет (40-е годы)	22	44	8	24
60 лет и старше (30-е годы)	29	38	14	18
		<i>1999 г.</i>		
20-29 лет (70-е годы)*	7	45	24	24
30-39 лет (60-е годы)	14	37	27	21
40-49 лет (50-е годы)	14	42	20	24
50-59 лет (40-е годы)	9	38	27	25
60 лет и старше (30-е годы)	3	43	30	24

* В скобках приводится десятилетие, в котором родился респондент.

См. источник к табл. 3.

но непосильная для отдельного человека и требующая групповых вариантов решения. Но ни одна из групп или структур, претендовавших за десять лет на лидерскую роль в обществе, не смогла предъявить человеку каких-либо четких, понятных населению ориентиров, а тем более программ действия. Демонстративное отрицание советского прошлого или конституционно закреплённый лозунг "социального государства" равно не пригодны для роли таких ориентиров.

Главная причина такого положения — отсутствие в стране лидеров или лидирующих групп, элитарных структур, которые были бы готовы и способны определить и задать ориентиры.

Противопоставление элитарных структур (соответствующих функционально специализированных групп, институтов, организаций, средств) и "масс" (слабо организованных, не исполняющих специфических функций и пр.) характерно преимущественно для традиционно-иерархи-

ческих и модернизирующихся обществ. В первых из них элитарные структуры обеспечивают сохранение социальных и культурных образцов, во вторых — выступают еще и в роли модернизаторов, инициаторов перемен. В развитых обществах такое разделение функций теряет смысл, поскольку действуют многочисленные более или менее автономные динамические факторы экономического, социального, глобального и прочих порядков.

В отечественной истории наиболее очевидна послепетровская тенденция элитарно-бюрократической модернизации, в рамках которой разворачивались практически все общественные потрясения и кризисы до начала XX в., а позже и советского, и последующего периода. Как стимулом, так и тормозом модернизации выступали главным образом соотношения сил внутри элитарных структур (а отнюдь не конфликты правящей элиты с угнетенной массой). Властвующая элита советского периода — неважно в данном случае, под какими именно лозунгами и с каким успехом —

Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать? (По возрастным группам.)

Варианты ответов: 1. Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу; 2. Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне; 3. Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее; 4. Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск.

Возрастная группа	Свободное время, легкую работу	Уверенность в завтрашнем дне	Много работать и хорошо получать	Собственное дело
		1989г.		
До 20 лет	7	29	30	15
20-29 лет	11	39	33	12
30-39 лет	11	41	31	11
40-49 лет	8	60	20	5
50-59 лет	14	45	28	2
60-69* лет	7	61	17	1
Всего	11	47	26	7
		1999г.		
До 20 лет	3	35	36	17
20-29 лет	5	52	28	11
30-39 лет	2	56	33	8
40-49 лет	2	63	28	5
50-59 лет	2	76	14	3
60-69* лет	5	68	7	1
70 лет и старше	1	61	8	0
Всего	3	60	23	6

* В опросе 1989 г. — 60 лет и старше.

См. источник к табл. 3.

монополизировала модернизаторские функции в обществе. Примерно к 60-70-м годам смена поколений в элитарных структурах, с одной стороны, и усложнение факторов социально-экономической и культурной динамики — с другой, привели практически к полной утрате этой функции элитарными структурами советского образца.

Как известно, инициировавшая перестройку часть партийно-государственной элиты была заинтересована преимущественно в совершенствовании средств поддержания собственного статуса. Демократические течения не имели ни сил, ни решимости играть самостоятельную роль и определять общественные ориентиры. В результате ни накануне общественно-политических сдвигов (перед 1985 г.), ни в последующие годы потрясений и поворотов в стране не существовало новой или альтернативной элиты. А сохранявшая реальную власть государственная верхушка советского образца — при обновленных названиях и конфигурациях — была преимущественно заинтересована в самосохранении, устройстве собственных дел и т.п. Поэтому, в частности, была невозможной в России ни продуманная дальновидная реформа, ни "революционная" ломка старой системы. Радикально настроенная "команда Гайдара" за год работы смогла лишь создать ситуацию "обвала", запустив механизмы рыночных отношений и оставив открытыми проблемы их социальных последствий.

Роль массовых факторов (намерений, настроений, действий) в этих процессах неизменно оставалась вторичной, "зрительской". Если использовать грамматические аналогии, то эти факторы участвовали только в страдательном залоге — поддерживая, сомневаясь, не доверяя и т.д., но не влияя активно на сам ход происходящих событий. Лишь в редкие моменты (типа президентских выборов 1996 г.) политическая элита нуждалась в действенной (чисто электоральной) массовой поддержке и стремилась ее мобилизовать.

Отсюда — растерянность и колебания значительной части населения при определении своего отношения к происшедшим в стране переменам. Представляется полезным

разделить, с одной стороны, *демонстративное* отношение людей к официальным лозунгам, с другой — *реальное* отношение к повседневной стороне этих перемен, с которой приходится иметь дело "массовому" человеку.

Показателями демонстративного плана в значительной мере можно считать регулярно получаемые ответы на вопросы о пользе реформ, о том, нужно ли их продолжать, было бы ли лучше, если все в стране оставалось бы так, как до перестройки и т.п. Соответствующие данные многократно публиковались. Имеется, правда, и другая составляющая таких утверждений — уровень доверия и одобрения власти, лидеров, декларирующих линию на продолжение реформ. Поэтому высказывания в пользу продолжения реформ становятся то реже (в последние годы правления Б.Ельцина), то чаще (с приходом к власти В.Путина). Колебания, правда, происходят в ограниченном диапазоне, и перевес того или другого мнения обеспечивает небольшая доля опрошенных при том, что более 40% постоянно затрудняются выразить свою позицию. Стоит заметить, что понятие "реформы" давно утратило свой первоначальный смысл и используется преимущественно для обозначения всех перемен, связанных с переходом от советской экономической модели к рыночной.

Примечательно, что позитивные оценки начатым в 1992 г. реформам высказываются всегда существенно реже, чем суждения о необходимости продолжать реформы, и наоборот, осуждение реформ звучит гораздо чаще, чем требования прекратить их. Объяснить такие расхождения, видимо, можно тем, что оценка начатых перемен не связана с каким-либо сегодняшним (да и тогдашним) выбором или иным действием, а вопрос об отношении к нынешним переменам — это вопрос действия, точнее, приспособления. Ведь около двух третей опрошенных утверждают, что они либо уже приспособились к произошедшим переменам, либо смогут этого добиться в ближайшее время.

Сугубо демонстративной можно считать, например, усилившуюся за последние годы ностальгию по спокойно-

**Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?
(По возрастным когортам.)**

Когорта	Свободное время, легкую работу	Уверенность в завтрашнем дне	Много работать и хорошо получать	Собственное дело
		<i>1989 г.</i>		
20-29 лет (70-е годы *)	11	39	33	12
30-39 лет (60-е годы)	11	41	31	11
40-49 лет (50-е годы)	8	60	20	5
50-59 лет (40-е годы)	14	45	28	2
60-70 лет (30-е годы)	7	61	17	1
		<i>1999 г.</i>		
20-29 лет (70-е годы)	2	56	33	8
30-39 лет (60-е годы)	2	63	28	5
40-49 лет (50-е годы)	2	76	14	3
50-59 лет (40-е годы)	5	68	7	1
60-70 лет (30-е годы)	1	61	8	0

* В скобках приводится десятилетие, в котором родился респондент.

См. источник к табл. 3.

му прошлому (ответы на вопросы типа "лучше было бы... как до 1985 г."), по планово-распределительной экономической системе и т.п. При этом желание вернуться к старой системе выражают лишь около четверти респондентов (примерно столько же симпатизируют компартии). Функции демонстративных утверждений такого рода нельзя недооценивать: это прежде всего демонстрация определенной установки, направленная "внутрь", т.е. самому себе (не интервьюеру же...), это средство самоутверждения человека в неодобряемой им нынешней действительности. При каких-то условиях такая позиция может быть повернута и вовне, скажем, превратившись в избирательную поддержку "реверсивных" сил. Но чаще всего "внутренняя" демонстрация таковой и остается.

Реальные же показатели переориентации людей, которые выявляют опросы, — это данные о готовности приспособливаться к новым условиям (преобладают, как известно, пассивные и понижающие формы такого приспособления, изменять свои запросы, преимущественно ограничивая их), искать новые для себя способы деятельности (табл. 7). Разумеется, в любых "реальных" показателях общественного мнения отчасти присутствуют и демонстративные моменты. Те же данные полезно рассмотреть в разрезе возрастных когорт (табл. 8).

Как видим, за десятилетие резко уменьшилась доля людей, увлеченных перспективой "легкой работы" и "собственного дела", заметно окрепли ориентации на малооплачиваемую, но стабильную работу; в более молодых возрастных группах почти не изменилась ориентация на работу и заработок. Эти данные не раз публиковались и обсуждались. Главный вопрос здесь, как представляется, в том, *"кто виноват"* в отмеченной ситуации: консерватизм социальной "природы" человека советского или консерватизм самих *обстоятельств*, в которых человеку приходится действовать. Большинство опрошенных полагают, что для них эти обстоятельства либо не изменились, либо изменились так, что им приходится "вертеться, приспособливаться" к худшим условиям жизни и работы.

А это, в свою очередь, создает не только постоянную основу для демонстративной массовой ностальгии, но и питает ожидания некоей "твердой руки", способной навести долгожданный "порядок". В последнее время (после исчерпания и дискредитации реформаторского порыва и возможностей демонстративного разрыва с советским прошлым) значение таких настроений существенно изменяется: они становятся массовой базой крепнущих тен-

денций "консервативного реванша", по крайней мере частичного.

Адаптация: возможности и пределы. Проблему приспособления человека к широкому спектру социальных и социально-политических изменений приходилось описывать ранее*. Не повторяя аргументации, отметим лишь принципиальные тезисы. В перипетиях отечественной истории последних столетий человек (во всех его статусах, включая правящую элиту и революционную контрэлику) не выбирал варианты изменений, но лишь вынужден был приспособливаться к ним. Причем сама возможность почти беспредельного приспособления объяснялась весьма ограниченным масштабом собственных запросов. Последняя по времени — и как будто почти успешная — операция такого рода разворачивалась на протяжении примерно последних десяти лет.

В ноябре 2000 г. на волне конъюнктурного массового оптимизма только 20% населения России полагали, что они выиграли от перемен, произошедших за эти годы, но 67% — что они либо уже приспособились, либо в ближайшем будущем приспособятся к этим переменам. В этих цифрах — все основные параметры современных проблем человеческого существования. Не ожидали, не выиграли, не одобряют (в значительной мере), но приспособиваются.

К чему именно приспособливается человек в сегодняшней России?

К снижению уровня жизни. Как известно из опросов, из официальной статистики, к концу 2000 г. доходы населения составят в среднем около 70% от их величины в докризисные месяцы 1998 г.

К снижению собственных запросов. Это позволяет при- выкать жить "на пониженном уровне".

К конкурентному рынку товаров, услуг и труда.

К навязчивой рекламе со всеми ее шумами.

К демонстративной конкуренции политических лозунгов и персон.

К не существовавшим ранее "рыночным" возможностям получения дохода.

* См.: *Левада Ю.* Человек приспособленный // Мониторинг общественного мнения... 1999. № 5. С. 7-17; *Он же.* Человек ограниченный: Уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 4. С. 7-13.

К новым факторам и параметрам социального неравенства, связанным с личными и имущественными возможностями.

Приспособление в каждом случае означает трудное изменение способов деятельности, ее нормативных и ценностных регуляторов, а также "баланса" этих регуляторов. Даже в стесненных обстоятельствах человек стремится сохранить себя, свой статус, свою самооценку. Не относятся к этой категории те изменения, которые означали только снятие ограничений — появление возможностей для потребительского и политического выбора, для выезда за границу, для получения информации и т.д. Ко всему этому не требовалось приспособляться, достаточно было просто привыкнуть (и, как обычно бывает в ситуациях привыкания, тотчас забыть о приобретенных свободах, пока об этом не напоминают какие-либо угрозы их вновь лишиться).

В то же время стало очевидным существование обстоятельств, к которым человек не может приспособиться (или приспособляется ценой невосполнимых потерь в собственном положении). К таким обстоятельствам относятся нестабильность социальных регуляторов, отсутствие фиксированных критериев и "правил игры", хаос. Страдают и теряют от такой неопределенности "все", но в разной мере. Проще человеку, способному замкнуться в скорлупе собственных привычных интересов. Труднее всего приходится активным общественным группам, которые пытаются играть "на повышение" (или на сохранение относительно высокого уровня) собственного статуса, т.е. элите, имеющей или стремящейся получить доступ к верхним этажам общественной иерархии. Поэтому, в частности, все наблюдаемые в последние годы социально-политические кризисы были (и, скорее всего, будут в обозримом будущем) преимущественно кризисами на этих, элитарных, околоставных этажах.

Получается, что всеохватывающие процессы адаптации оказываются дифференцирующими, формирующими новые структурные группы в обществе, определяющими функции и ответственность элит и т.д. Перспективы общественных перемен, их устойчивость и глубина определяются не "средней" массой (мнениями, голосованиями "всех"), а способностью определенных, специализированных групп и структур воздействовать на ситуацию.

Функции консервативных настроений. Хорошо известная историческая особенность отечественного развития как в досоветские, так и в советские, и последующие времена — в том, что любые сколько-нибудь прогрессивные сдвиги осуществлялись с помощью старых институтов и методов, при неучастии и незаинтересованности масс, разве что за исключением сугубо разрушительной составляющей перемен. Каждый шаг "вперед" предполагал укрепление механизмов насилия, личной зависимости, иерархизма и коррупции в общественном строе (в терминологии Л.Гудкова — "традиционализирующая модернизация"). Продолжая эту печальную традицию, некоторые российские реформаторы все еще надеются, что формирующийся на их глазах авторитарно-мобилизационный режим способен провести в жизнь их экономические замыслы. Значительно более реальные шансы имеет использование консервативных массовых настроений для укрепления авторитарных, великодержавных, реставраторских тенденций.

Символы действенные и "мертворожденные". Символические аспекты человеческого действия приобретают особое значение в период перемен и потрясений, неопределенности социальных ориентиров и нестабильности ценностных регуляторов. Символическую роль могут при-

обретать термины, имена, тексты, даты, флаги, ритуалы и т.д. Позитивные (в контексте определенного движения, изменения) символы восполняют разрыв между реальным и желаемым положением вещей, мобилизуют активность, заменяют аргументацию. Негативные — отталкивают, демобилизуют и пр. (конечно, это крайне упрощенные разделения, при более подробном рассмотрении можно было бы выделять универсальные и партикуляристские, национальные, традиционные и другие символические структуры).

Эпоха перемен (после 1985 г. и 1991 г.) в значительной мере обесценила советскую символику, в том числе идеологическую, но не создала никакой собственной. Попытки придать символически мобилизующий смысл терминам "перестройка", потом "реформа" (в значении 1992 г.) давно провалились. Не удалось сделать символом "новой России" (тоже, по существу, дискредитированный термин) "август 1991 г.", его надежды и жертвы. Даже введенный в те дни в обиход российский триколор был позже символически перекодирован как принадлежность петровской исторической традиции. Позднейшее (характерное для ельцинского периода) обращение к российско-монархической символике (орлы, ордена, украшения, "придворные" нравы и т.д.) не привлекли общественного внимания и не играли никакой заметной роли в ориентации настроений и мнений. Другое дело — архаические по своему происхождению, но не утратившие влияния на значительную часть населения символы (в основном словесные) державного величия, национальных интересов, военной мощи, порядка, противостояния "козням" внешних врагов и т.п. В этом ряду оказалось и сугубо символическое церковное возрождение, оказывающее влияние в основном на внешние формы государственной и повседневной жизни, но лишь в малой мере — на ее идейные или нравственные устои. Даже официально признанная несчастной "первая" чеченская война 1994-1996 гг. задумывалась как "маленький победоносный" символ восстановления государственных ценностей. Получается, что все символические структуры, вводимые в оборот на протяжении 15 лет, оказывались мертворожденными.

Вполне понятно поэтому, что команде нового президента, пообещавшего, кстати, устранить "разрыв" с прошлым (т.е. советским), снять конфронтацию с компартией, не оставалось никакого иного символического выбора, кроме обращения к призракам советской государственной символики (военное знамя, музыка и стиль гимна). При выборе между (абсолютно нереальной) русской "Марсельезой" и (тоже нереальным) "Боже, царя храни!" государственный и массовый разум солидарно останавливаются на александровско-михалковской "середине". Неизбежность именно такого решения стала очевидной, когда утихли критические страсти, а "консервирующие новации" получили как парламентскую, так и массовую поддержку. (В феврале 2000 г. идею старой музыки для государственного гимна поддерживали 27% опрошенных, в октябре-ноябре, когда развернулась соответствующая политрекламная кампания, 46%, в конце декабря, после голосования в Думе, музыку Александра одобрили уже 75%).

Проблема символики переместилась в другую плоскость — выяснения пучка реальных значений происшедшего. Один из моментов — демонстративное невнимание власти к мнению и шумным протестам "правых" — слишком очевиден и комментариев не требует. Главный вопрос: означает ли все это своего рода стартовый выстрел, символ реального реверсивного поворота или появления очередной мертворожденной символической структуры, подменяющей какое бы то ни было движение? Ответ на этот вопрос определяется не намерениями президентского окружения, а прежде

всего возможностями их осуществить — политическими, экономическими, международными.

Особая сторона проблемы, которой до сих пор исследователи "советского человека" уделяли слишком мало внимания, — социальная *мифология*, без которой не обходится никакая общественная система*. В нынешних условиях в общественном мнении явно преобладает традиционный, консервативный и консервирующий набор представлений о "добром" властелине при скверных боярах, счастливом прошлом, коварных чужеземцах и собственной жертвенной судьбе.

* * *

В существующих условиях все три выделенные "оси координат человека" находятся в состоянии сложного кризиса, т.е. ломки и формирования механизмов дальнейшей деятельности в соответствующих направлениях.

Острота ситуации определяется тем, что энергия разрушения, высвобождения от старых ограничений практически полностью исчерпана за предыдущие годы, нерешенность принципиальных проблем общественного и государственного устройства, отсутствие его нормативно-правовых основ, ощущается людьми сильнее, чем когда-либо ранее. В этих условиях заметно возрастает роль "призраков" советского прошлого — не только как ностальгических фантомов или символов, но и как вполне реальных структур, традиций, нравов (продуктов "полураспада" разрушенной системы). Отсюда "реставрационные" надежды одних и опасения других. Для того чтобы оценить их обоснованность нужен, очевидно, обстоятельный анализ исходного состояния — положения человека в "традиционном" советском обществе (это особый предмет рассмотрения) в соотнесении с переломами и сдвигами последних лет. Пока же стоит лишь отметить, что наблюдаемые (и по-разному влияющие на общество и общественное мнение) "призраки" прошлого реальным реставрационным потенциалом не обладают. Это относится и к таким химерическим образованиям, как сочетание самовластия с рынком или агрессивная мобилизация под лозунгами конституционного порядка и т.п. Процессы разложения и распада социально-политических систем (особенно, если рассматривать их в "дальней", поколенческой перспективе) столь же необратимы как термодинамические. Но продукты такого распада (полураспада) в каждый момент, на каждом этапе значимы сами по себе, могут долго воздействовать на общественную атмосферу, на самоопределение человека.

Лев ГУДКОВ, Борис ДУБИН

Конец 90-х годов: затухание образов

Чем закончилось последнее десятилетие тысячелетия? События последних полутора лет (после начала второй чеченской войны) отметили конец почти десятилетнего постсоветского, или "ельцинского", периода в России. Начавшись с распада СССР, массовых митингов и демонстраций под лозунгами о необходимости преодоления тоталитаризма, с провозглашения политики реформ, эйфории, связанной с надеждами и ожиданиями скорого достижения такого материального состояния и образа жизни, которым отличаются "цивилизованные стра-

* См.: *Дубин Б.* Запад, граница, особый путь: Символика "другого" в политической мифологии современной России // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 6. С. 25–34.

ны", это десятилетие закончилось славославием "великой России", программными заявлениями руководства страны о необходимости укрепления роли государства во всех сферах общественной жизни, все большим огосударствлением средств массовой коммуникации и жестким давлением на независимые медиа, массовым одобрением "решительных действий" правительства по наведению порядка в стране и борьбе с "олигархами". От неприятия большинством россиян применения войск в национальных конфликтах, от возмущения побоищами, устроенными десантниками в Тбилиси, Баку, Вильнюсе и Риге и резко ускорившими развал Союза, от широкого осуждения первой чеченской войны, подорвавшей авторитет Б.Ельцина, до массового же одобрения нынешней "контртеррористической акции" в Чечне, фактически утвердившего В.Путина на президентском посту, — такова была траектория движения российского общественного мнения.

Комментируя в 1989 г. аморфную симпатию многих респондентов к "Памяти", тогда всего лишь одному из множества "обществ по охране памятников старины", наблюдатели были еще склонны объяснять это слабым знакомством населения с другими сторонами этого движения, казалось им, не имевшими отношения к национальному прошлому и его возрождению (прежде всего с его ксенофобскими и антисемитскими взглядами). Но уже успех В.Жириновского, который на выборах 1993 г. разом выдвинулся из третьестепенных демократов в политические фигуры первого ряда, задним числом показал, что характерные для лицемерного советского официоза барьеры и запреты на публичное выражение шовинистических взглядов в обществе сломаны. Его приемы хорошо рассчитанного, театрализованного эпатажа, строившиеся на соединении русского национал-популизма, а то и нацизма, с советской, имперской, великодержавной демагогией, вначале находили отклик только на социальной периферии, в пролетаризированной среде, особенно в депрессивных малых городах, у низового чиновничества. Однако основные моменты этой риторики демонстративно освобождения от комплекса неполноценности и скрытого отказа от новых, демократических ориентиров ("мы великая страна, у нас героическое прошлое, нам нечего стыдиться, мы все еще достаточно сильны, чтобы заставить наших противников уважать себя, нам не надо оглядываться на Запад, у нас свой особый путь и пр.") за следующие пять-шесть лет были постепенно усвоены политическим руководством страны. Более того, приглушив самые скандальные обертоны, власть сделала эти идеи своей официальной позицией.

Словное подавление попыток коммунистического реванша в октябре 1993 г., грозившего стране гражданской войной, вызвало парадоксальную реакцию окружения Б.Ельцина. Напуганное своей победой (фактически победой одной части номенклатуры над другой, настроенной просоветски), оно "перенесло" этот страх и недовольство собой на все более раздражающую фигуру "другого" — превратило победу, которой не радовались и, главное, с которой не знали, что делать, в поражение прозападных "реформаторов". В еще большей степени эта закономерность "реакции победы" (или "реакции после победы") проявилась в результате электорального успеха Б.Ельцина на президентских выборах 1996 г. Здесь кратковременный, чисто тактический и технологический триумф обернулся быстрым падением авторитета президента, началом новой войны и досрочной отставкой Б.Ельцина.

Данные сотен опросов, проведенных ВЦИОМ во второй половине 90-х годов, как разрозненные элементы мозаики стали за последние месяцы складываться в общую картину. Каждое из явлений, которые перечисляются ниже, по отдельности неоднократно описывалось и анализиро-